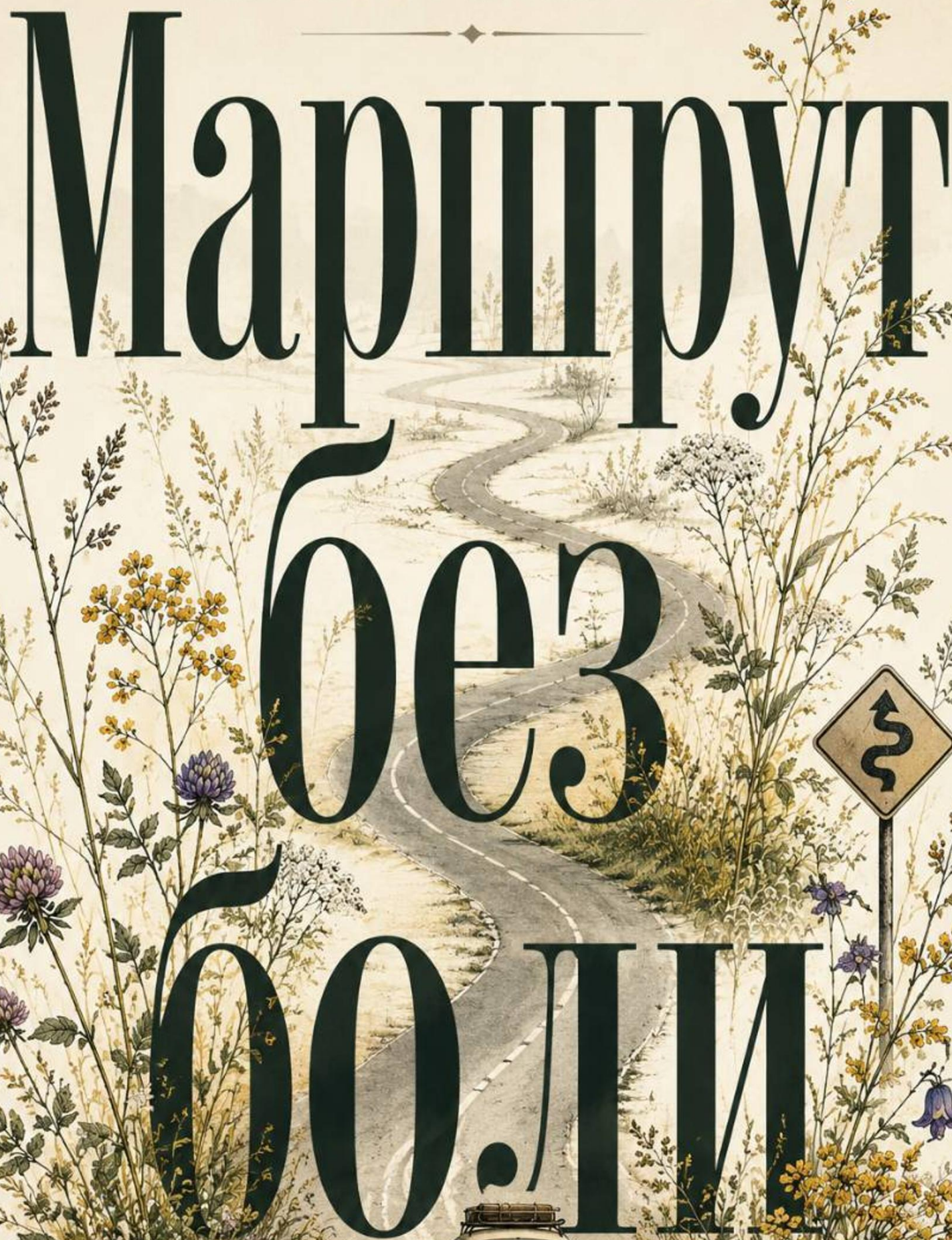

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Маршрут без боли

A vintage-style illustration of a winding road through a landscape. The road is paved and curves through a field of various flowers, including purple chrysanthemums, yellow daisies, and blue bellflowers. A road sign with a black squiggle on a yellow diamond background is visible on the right. In the foreground, a small, light-colored vintage car with a roof rack is driving away on the road. The license plate of the car reads "ЖИВН". The title "Маршрут без боли" is written in large, black, stylized Cyrillic letters across the center of the image.

Иногда самый короткий путь —
прямо через боль

Поиск себя

Алексей Корнелюк
Маршрут без боли

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Маршрут без боли / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Поиск себя)

Он просто хотел доехать быстрее. Без пробок, без лишних разговоров, без воспоминаний, которые лезут в голову на ночной трассе, когда радио шипит, кофе на заправке похож на наказание, а за окном тянется страна, где ты когда-то был живым. Навигатор предложил новый режим «Маршрут без боли». Сначала это показалось подарком. Можно объехать трудный разговор. Не заезжать туда, где тебя больше не ждут. Не встречаться с человеком, которому ты задолжал не деньги — себя. Не смотреть в глаза прошлому. Просто повернуть, проехать мимо, выбрать путь полегче. Но каждая боль, которую он объезжал, куда-то исчезала. Вместе с людьми. Вместе с памятью. Вместе с теми кусками жизни, из которых вообще-то и складывается человек. На российских трассах начинают появляться города, которых нет на карте, заправки, где продают не бензин, а последние шансы, и попутчики, слишком похожие на тех, кого он когда-то потерял. Чтобы спастись, ему придётся сделать то, чего он избегал всю жизнь: поехать туда, где больно.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Маршрут без боли

Маршрут без боли

В тот день, когда мать решила не умереть тихо и незаметно, а испортить Максиму Короткову важную презентацию на сто восемьдесят миллионов рублей, он проснулся в пять сорок семь с лицом человека, которого ночью пережевали и выплюнули в дорожную простыню. Простыня была итальянская, дышащая, с каким-то там сатиновым плетением, купленная в припадке взрослой самостоятельности, когда Максим решил, что мужчина после сорока обязан спать не на белье, а на заявлении о своём успехе. Заявление каждое утро собиралось под ним в мокрую складку, как флаг маленькой побеждённой страны.

Телефон лежал рядом на подушке, будто любовница, которая уже всё поняла и теперь ждёт, когда он сам начнёт врать. Экран светился тихим кладбищенским светом. Семнадцать уведомлений. Три письма от юриста. Два сообщения от Риты. Одно — от Артёма. Несколько рабочих чатов, где люди с семи утра уже делали вид, что горят делом, хотя на самом деле горели ипотекой, страхом увольнения и желанием когда-нибудь лечь под тёплую землю без статуса «онлайн». Ещё был пропущенный вызов с незнакомого номера. Городской. Северский код. Максим посмотрел на него дольше, чем надо, и сразу понял, откуда это. Не разумом понял. Разум у него в это время ещё стоял где-то у раковины, с зубной щёткой во рту, тупой и опухший. Понял животом. Там, под рёбрами, где у взрослого человека лежит всё, что он потом называет «просто устал».

Он перевернулся на спину. Потолок был ровный, белый, без трещин, без пятен от протечек, без люстры с тремя разными лампочками, как в детстве. За ровный потолок он платил банку каждый месяц сумму, за которую его отец в девяносто восьмом купил бы полгорода Северска, две коровы и, возможно, участкового вместе с сапогами. В потолке не было ничего страшного. Вот в этом и была проблема. В квартире Максима вообще не было ничего страшного. Никаких лишних вещей, никаких фотографий в рамках, никаких книжных завалов, никакой старой кружки с отбитой ручкой, которую рука не поднимается выбросить, потому что её подарил человек, которого уже нет или который есть, но лучше бы временно не существовал. Всё было правильное. Диван серый. Стол чёрный. Кухня матовая. На подоконнике стоял один живучий фикус, подаренный дизайнером интерьера как «акцент на органику». Фикус ненавидел его молча и профессионально.

Максим сел на кровати. Спина хрустнула так, будто внутри него кто-то скомкал пакет из-под чипсов. Он нашёл ногами тапки, не попал, выругался в пустоту и всё-таки взял телефон. Сначала открыл рабочий чат. Это было трусливо, но привычно. Если утром первым делом посмотреть в работу, жизнь делает вид, что ты ей управляешь. В чате уже писала Марина из отдела продаж: «Макс, клиент просит передвинуть блок про гарантии выше». Следом Денис: «Я бы не трогал структуру, но решать тебе». Следом Павел, которого Максим мысленно называл «таблица с глазами»: «Коллеги, по цифрам есть расхождение 1,7 процента». Они все были как дети, которые стояли вокруг горящего сарая и спрашивали, можно ли переставить ведро красивее.

Он набрал: «Не трогаем. В 10:30 созвон. Я буду». Отправил. Сразу стало легче. Не хорошо, а именно легче. Как будто он поставил маленькую подпорку под стену, которая всё равно рухнет, но не сейчас. Потом открыл сообщения от Риты.

«Максим, ты вчера обещал Артёму приехать».

«Он тебя ждал до последнего».

«Ты хотя бы ему сам напиши, не будь ты...»

Последнее сообщение обрывалось. Рита, вероятно, стёрла оскорбление. Или не смогла выбрать одно. Максим даже уважал это. С ним в последнее время трудно было ограничиться одним словом.

Сообщение от Артёма было короткое: «Пап, норм».

Вот это «норм» ударило сильнее, чем любые Ритины длинные простыни. В двенадцать лет сын уже научился писать как взрослый мужчина после развода: ничего страшного, всё нормально, не надо, я сам. Максим смотрел на эти четыре буквы и чувствовал не боль, а раздражение. И вот за это раздражение он себя особенно не любил. Потому что нормальный человек должен был почувствовать вину. Может быть, нежность. Может быть, желание сорваться, приехать, купить сыну мерзкий шоколадный батончик из автомата, сесть рядом и сказать: «Я мудака, Артём, но я здесь». А Максим почувствовал усталую злость на то, что его снова поймали за руку. Как будто он не отец, а мальчик, который стащил из буфета котлету и теперь стоит с жирными пальцами, пока мать молчит у двери.

Он хотел написать: «Сын, прости, завал на работе, сегодня созвонимся». Написал: «Сын». Стер. Написал: «Артём, я всё объясню». Стер. Написал: «Норм — это не ответ». Посмотрел на эту фразу, увидел в ней собственного отца, сухого, деревянного, с вечным «не разговаривай со мной таким тоном», и стёр тоже. В итоге поставил телефон на край раковины и пошёл в душ, как человек, который очень занят спасением бизнеса и не может тратить утро на такую роскошь, как быть живым.

Вода сначала была холодной. Потом горячей. Потом слишком горячей, но он стоял под ней, пока кожа на груди не покраснела, потому что физическая боль удобнее той, которая без кожи. В ванной пахло дорогим гелем для душа с названием «чёрный кедр», хотя никакого кедра в этой бутылке, конечно, не было. Был маркетинг, спирт, отдушка и мужская попытка пахнуть лесом, не выходя из квартиры в жилом комплексе с охраной. Максим почистил зубы, глядя не в зеркало, а куда-то в подбородок своему отражению. Отражение было вполне приличное: сорок один, тёмные волосы с сединой у висков, щетина, нормальная кожа, усталые глаза человека, который не имеет права выглядеть усталым, потому что сам же всего этого хотел. Успех почему-то всегда приходил без инструкции, что с ним делать утром, когда у тебя во рту привкус металла, в телефоне сыновья «норм», а в списке пропущенных звонков город, где ты оставил мать, отца и почти всё, что могло бы объяснить, почему ты такой.

На кухне кофемашина захрипела, как маленький больной зверёк. Максим нажал кнопку два раза. Капсула щёлкнула, внутри что-то прожужжало, и в чашку потекла коричневая жидкость, которая называлась «интенсивный эспрессо» и пахла мокрым картоном с претензией. Он выпил первый глоток стоя. Кофе не помог. Он никогда не помогал. Просто в какой-то момент люди договорились считать, что если ты влил в себя горькую горячую жижу, то имеешь моральное право продолжать разрушаться на ногах.

Пока кофемашина издавала последние предсмертные всхлипы, пришло ещё одно сообщение. Незнакомый номер. Северский код. Максим не открыл сразу. Он сделал вид, что не заметил. Очень взрослая техника: если не открыть сообщение, событие ещё не полностью вошло в твою жизнь. Оно стоит за дверью, топчется, кашляет в кулак, но ты можешь не включать свет.

Он открыл почту. В теме письма от клиента было: «Финальные правки перед встречей». Финальные правки — самая русская форма бесконечности. Он ткнул письмо, пробежал глазами, понял, что они снова хотят «добавить человечности» в презентацию о сокращении расходов. Человечность в корпоративном мире обычно означала фотографию улыбающейся женщины в каске, хотя никто из присутствующих не видел живую женщину в каске с тех пор, как ездил на экскурсию в заводской музей в девятом классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.